

До мажор или соль минор?

Если ты написал «День числа Пи», то всё. Дальше можно не заморачиваться. Давай зачётку, держи «пять» и «пятёрку» по специальности. И диплом главного профильного вуза как атрибут цеховой принадлежности. Что? Не учился? А в данном случае это неважно. Только нужен красный. Там бывает красный? Это до мажор.

Редкий случай: повесть, а сложена симфонически. Как концерт для фортепиано с оркестром, где главные темы – любовь и свобода – фортепиано и первая скрипка. Или, может быть, виолончель. Если концерт виолончельный.

Со смыслами там почти Марианская впадина. И по другим текстам те же темы и смыслы расходятся как круги по воде. «Дождь» и (или) «Промельк» вполне подойдут для примера.

Хорошее слово «промельк». («Так-так», – подмигнул со стены Пастернак). Лёгкое такое, быстрое. И рассказ такой же получился. Вот будто промелькнул, но в памяти не растворился. Зафиксировался как фотокадр с «картинкой из другого мира» – черепичными крышами и колокольной с высоким шпилем. Промельк, это как ауфтакт, да? Взмах дирижёрской палочки. Ходит ли кто ещё этими дворами?

Вот можно же так, не ожидая, встретить человека, который видит то же, что и ты. Тот же промельк. Те же очертания. Чтобы совпадение.

Ну и что, что к середине текста понимаешь, к чему автор клонит. Для целевой аудитории, а там те, в основном, кто читательского брюшка ещё не наел, это не очевидно. Так что пусть ловят моменты, промельки, то есть. Да и в любом случае, пусть.

Одна только есть клякса в партитуре. Вот кто это там постоянно лаж... нарушает гармонию, то есть? Неужели, фагот? Да, нет, это не он... не он же всё время выпрыгивает из табакерки. За каждым углом, за каждым столбом, в каждом тексте караулит. Ужас, как надоел.

Вообще классно, когда у автора есть свой почерк. У этого автора он точно есть. Вот запаролить имя и дать фрагмент текста тем, кто постарше в его читательском пуле. Скорей всего, угадают. Узнают, то есть. По интонациям, например.

Интонации – это вообще вещь. Индикатор. С ними понимаешь больше, чем сказано. И это не только про слова. Вот взять, например, дождь. В разных тональностях может звучать, с разным подтекстом. Музыканты вообще обожают шум дождя: «Как это красиво, когда дождь». А если «Дождь»?

Тут вот тоже про параллели. Про совпадения то есть. И опять про свободу – кочевая же тема.

Вот мама как говорила? «Бывают такие дни, которые начинаются как ужасный ужас, а потом заканчиваются хорошо». И тут такой день. Вроде был забит до отказа, а выдался свободным. Но свобода такая штука... что дышло. Яков Дьяков (хорошо звучит, кстати)

как решил? «На музыку я больше не пойду». За год, нет, за восемь месяцев до окончания музыкальной школы... Ну, можно, конечно, и так, чего уж там... Свобода же. А Панкратьев (из другой оперы вообще) возражает:

– Ты это зря... Не моё, конечно, дело, но... Понимаешь, в тебе всего и есть, что музыка твоя. А кто вот ты без музыки?

Нина Дашевская могла бы стать писателем и без музыки. Книги, наверное, были бы не те. Не около музыки. Но всё равно какие-нибудь хорошие. И, может быть, их тоже можно было бы читать под музыку. Валяешься себе с книжкой на диване, а снаружи музыка звучит. Классическая. И внутри – тоже.

Вообще-то, чтобы такие книги писать, почти абсолютный слух нужен. Чтобы зазвучало, как «Весенняя соната». (Тут не про Бетховена). Чисто чтобы. И если человек с таким тонким слухом скажет вдруг, что грязно сыгранная пьеска нежно звучит, мы же решим, что он шутит, правда? Потому что это соль-минор. Соль минор синий, как небо вечером. Нет, как небо вечером в плохую погоду.

А если не шутит... Тогда и «День числа Пи» кто-то другой написал.

Елизавета Мацупко